

Максималист

— О современной теме в болгарском театре —

ВЫ УСАЖИВАЕТЕСЬ в зале софийского театра сатиры, заглядываете в программку и сразу же мысленно спотыкаетесь: в списке действующих лиц черным по белому означены... платяной шкаф. А ведь смотреть предстоит не сказку Андерсена. «Максималист» — новая пьеса Станислава Стратиева, прослышавшего приверженцем острой, злободневной темы.

...Двое молодоженов обзавелись двустворчатым гардеробом, на очереди — следующая вежа семейного благополучия: стиральная машина. Действие развивается вроде бы по канонам обычной бытовой комедии, как вдруг гардероб начинает издавать вздохи, хмыканье, а потом и вполне осмысленные фразы.

Публика, до отказа заполнившая зал, легко и охотно принимает комедийно-фантастический сюжетный ключ. Взрывами смеха сопровождается реплика «говорящего шкафа», самодовольно поучающего молодых людей, как им одеваться, о чем думать, что любить. Особенно смешна сценка посещения шкафа участковым врачом, который невозмутимо «выслушивает» стезоскопом его деревянные бока, привычной скороговоркой бубнит банальные наставления, выписывает рецепт.

Славчо, главный персонаж спектакля, пытается протестовать: шкаф-резонер, как и подчинение его капризам, — это же абсурд! В ответ юная супруга саркастически произносит: «Будто мы не привыкли мириться с нелепостями, не прикидываемся, что согласны, когда мы против, не улыбаемся, когда мы хотим плакаты!» Взять сберкассу, где она работает: там на днях оформили вклад в 20 тысяч левов на трехмесячного младенца — разве не абсурд? «Такова жизнь, и нам ее не изменить».

Соглашательски настроены и другие. Врач, как оказалось,

не отверг фанерного «пациента» из трусости: а вдруг его владельцы — «чьи-то» племянники или кумовья? Учитель музыки берется улаживать шкаф скрипичными ноктюрнами под прикрытием разглагольствований о пользе «эстетического воспитания масс». И все наперебой убеждают Славчо, что как раз его неприятие нелепости — нелепо. «Зачем все усложнять? — увещивают его. — Жизнь проще. Вы смахиваете на максималиста, а они, и особенно максималисты нравственные, — конченые люди».

Так «говорящий гардероб» — вымышленный, фантастический абсурд-абстракция — становится своего рода кристаллизатором негативных фактов и явлений, тоже по сути абсурдных, но вполне реальных, словно бы почерпнутых из газетного фельетона.

ХАРАКТЕРНАЯ черта современной болгарской прозы: ее наиболее значительные представители, как правило, — выходцы из журналистской среды. Не исключение и Станислав Стратиев. Сын рабочего-строителя, он начинал самостоятельную жизнь фрезеровщиком на заводе. Стал писать заметки в газеты, и его пригласила в штат «Народна младеж». Многолетний журналистский стаж — вот фундамент жизненного опыта и жизненной позиции Стратиева-драматурга.

«Помню тот захватывающий вечер 1974 года, когда состоялась премьера «Римской купальни», — пишет о его первой пьесе театральный критик Д. Канушев. — Какая неожиданность, какой восторг! И сколько разговоров о завтрашнем дне болгарской комедии». Действительно, четыре пьесы для взрослых, написанные Стратиевым, оказали весьма заметное воздействие на репертуар театров Болгарии, да и других стран (толь-

ко в СССР они поставлены уже на десятках сцен в разных городах). В ходе VI национального смотра отечественной драматургии в 1979 году исполнителям его комедий досталось в общей сложности пять наград, на недавнем, VII смотре — еще шесть. Но всего красноречивее — негласный «референдум» зрителей: вот уже десять лет на спектаклях по его пьесам не бывает свободных мест.

Конечно, главная тому причина — фантазия драматурга, умение «поиграть» с фактами, обнажить ядро нелепости из-под шелухи благопристойности; сконструировать занимательную фабулу-сказку на подчеркнуто реалистическом материале. В немалой, однако, степени этот успех предопределило время.

Вторжение Стратиева на театральные подмостки совпало с серьезной перестройкой социально-экономической жизни Болгарии — широким переходом от количественных критериев к качественным, к интенсификации. Этому сопутствует активизация борьбы с консерватизмом, формализмом, демагогией, очковничеством, против всевозможных пережитков буржуазной морали, за торжество социалистической нравственности. И театр не мог оставаться в стороне. Сама жизнь требовала пьес острого, способных пробуждать чувства подлинной гражданственности.

Актер софийского театра «Слеза и смех» Юрий Яковлев, сыгравший в пьесе «Осень одного следователя» Г. Данаилова роль высокопоставленного взяточника, наживающегося на распределении жилья, с удовольствием рассказывал такой казус: однажды вечером незнакомый человек, увидев его на улице, с неподдельной ненавистью воскликнул: «Эй, Сарафов (имя этого персонажа). Разве тебя не посадили? Долго ли еще нам бу-

дут мешать такие, как ты?» Красноречивый пример способности искусства влиять на сердца и умы, формировать общественное мнение.

Острая проблемность отличает многие из пьес, поставленных за последнее время в НРБ, таких, как «Эта маленькая земля» Г. Джагарова, «Награда» Д. Асенова, «Знамя» Р. Божанова, «Праздник» Н. Хайтова, и другие. Правда, в производственную сферу болгарские драматурги пока почти не вторгаются, концентрируя внимание преимущественно на морально-этических вопросах. Но ведь,

там, где дают о себе знать те или иные деформации общественной морали, серьезно страдает и производство.

На таких явлениях, как карьеризм, бюрократизм, несоответствие слова и дела, сконцентрировал свой разоблачительный пафос Стратиев в своих первых трех пьесах. Особенно убедительно его искусство гиперболизации, устремленность к обобщению проявились в «Максималисте» — новой комедии, которую театральная критика расценила как весьма актуальную, в полной мере отвечающую духу времени.

СРЕДИ основных особенностей современной темы в сценическом репертуаре болгарская театральная критика

выделяет своеобразную активизацию положительного героя: он стал более правдоподобным, убедительным. Действительно, и в «Награде», и в «Осени одного следователя», и в «Знамени» злу активно противопоставит множество честных людей с четко обрисованной мотивировкой поведения. В сатирической комедии подобное амплуа, казалось бы, вовсе не обязательно, тем не менее и у Стратиева в каждой пьесе есть положительный герой. Иван Антонов из «Замшевого пиджака», как и Славчо из «Максималиста», — это непоколебимые правдолюбцы. И тому, и другому по ходу действия не раз предоставляется соблазн пойти на компромисс, сулящий мгновенное облегчение судьбы. И тот, и другой, однако, категорически против приспособления к антиобщественным явлениям.

То, что этот творческий прием не случайность, мне помог уяснить старый блокнот с интервью, взятым у Стратиева несколько лет назад. «Одна из самых важных проблем современного человека — умение сохранить лицо, — рассуждал он. — В юности почти каждый несет в себе заряд нравственного максимализма. Но почему потом иные из нас идут на сделки с совестью ради малых благ, почему становятся равнодушными к чужой беде? Необходимо решительно противостоять компромиссам с принципами». Итак, Стратиев не таил своих задумок: в той давней беседе он уже сформулировал концепцию своей нынешней пьесы «Максималист», показал, что главное для него — не просто обнажение зла как такового, но анализ различных стереотипов отношения к злу, призыв к активному отпору.

Сейчас Стратиев — директор театра сатиры. И к этим новым обязанностям сравнительно молодой (ему 43 года) драматург относится с творческим вдохновением. Воплощение одной из его идей — яркий спектакль «Господин Балканский» по классике болгарской литературы Алеко Константинову. Свою задачу Стратиев усматривает в том, чтобы «возродить» богатый потенциал отечественной клас-

сики, вновь обратиться к Ботеву, Каравелову, Киркову, Смирненскому.

— А вы лично как драматург не опасаетесь конкуренции классиков? — спрашиваю Стратиева.

— Такая «конкуренция» обогащает театр, создает подлинно творческие настроения коллектива, — отвечает он. — При наличии «конкурентов» ранее поставленные спектакли обычно не бледнеют, но играют еще вдохновеннее...

— И все-таки сохранилась ли у вас возможность проявлять себя как драматурга?

— Сейчас работаю над новой пьесой, которая, вероятно, будет поставлена в Народном театре имени Ивана Вазова. Сюжетная фабула — о людях труда, о тех, чьими руками во все эпохи творились материальные блага, социальный прогресс. Острый, драматичный сюжет с оптимистичным лейтмотивом. Название: «И все-таки земля вертится!»

А ведь оно уже мелькнуло однажды у Стратиева, вспоминаю я. Примерно так же был назван один из первых вариантов повести «Короткое солнце», он публиковался у нас в «Иностранной литературе»...

Да, перу Стратиева принадлежат не только пьесы, но и повести, рассказы (по ним, кстати, уже поставлено семь художественных фильмов). И во всех своих произведениях, независимо от жанра — будь то сатирическая комедия или повесть с трагическим концом — автор остается оптимистом, глубоко убежденным в том, что «земля вертится», что дело социализма, преодолевая все трудности на своем пути, победно движется вперед.

...Один болгарский журналист как-то задал Стратиеву такой вопрос: «Верите ли вы в преодолимость тех недостатков, о которых пишете?» Ответ гласил: «Конечно, верю! Если бы не верил — не стал бы писать». В этом гражданская, партийная позиция, творческий максимализм Стратиева.

А. КРУШИНСКИЙ.
(Спец. корр. «Правды».)
София—Москва.

На снимке: С. Стратиев.